

Часть Четвертая

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

Dei de ethos proy parchein pos
oiceion tes aretes, stergon to calon
/Aristotelis/ *

Когда затрагиваются гуманитарные вопросы, обычно имеется в виду весь комплекс эстетических проблем, связанных с культурой и искусством, литературой и наукой. Но почему тогда помощь пострадавшим людям тоже называется гуманитарной? Не гуманной, не гуманистической? И раз уж так укоренилось, станем и мы так называть не только вопросы эстетики, но и вопросы, связанные с гуманизмом.

Чем ценен русский вклад в мировую сокровищницу? П. Чаадаев считал, что ничего. "Вопросы истории культуры" № 1, с. 47. "Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих". /П.2, с. 47/

Такого заявления, внятая картина. Конечно, когда Чаадаев писал эти горькие строки, большинство достижений русской культуры было еще как бы в потенции. Но ведь уже были и Ломоносов, и Пушкин, и Глинка... Может быть, прекрасное и вовсе не обязательно? Ведь сказал же как-то Лев Толстой, что красота противоположна добру.

Следуя Толстому, а может быть и вполне самостоятельно, против извешного восставали русские интеллигенты. С. Франк свидетельствует:

"Борьба против культуры есть одна из характерных черт типично русского интеллигентского духа; культ опрошения я есть не специфически-толстовская идея, а некоторое общее свойство интеллигентского унастроения". /П.3, с. 164/

А как боролись с культурой большевики и нацисты. Последние так просто жгли книги на площадях!

Но культура выжила. Видимо, в людях все-таки больше человечности, чем это кажется на первый взгляд. Но тут появляется еще один вопрос: а сама-то человечность, этот гуманизм - не в упадке ли он? Не погибает ли он в наш технократический век? И вообще, как соотносились и как должны соотноситься такие понятия, как гуманизм, культура, народ, личность, революция?

§ 23. Мировая гармония и современность. Как определить, что такое для нас современность?

Конечно, это не ближайшие пятьдесят лет: это было бы справедливо лишь для двадцатилетних. Вероятно, необходимо найти в ближайшем прошлом такую важную точку, с которой можно было бы начать отсчет. Думается, что такой точкой должно быть важнейшее событие, а таким событием была вторая мировая война.

* "Надо, чтобы был в наличии нрав, подходящий для добра и любящий прекрасное" /Аристотель, "Никомахова этика"/- греч.

С мировой гармонией, на первый взгляд, все проще: прилагательное от слова "мир", т.е. нечто, имеющее отношение либо ко всей планете, либо к отсутствию споров. Под "гармонией" же, если не считать музыкального инструмента, понимается только согласие, согласованное сочетание звуков, цветов, людей, различных объектов. Однако, поставив рядом эти два слова, мы получим понятие, не имеющее аналогов в реальной жизни, т.е. нечто умоглядное. Следовательно, разговор сейчас пойдет о том, как сочетается современность с тем, чего на самом деле нет, но в идеале могло бы быть.

Если начать с главного гуманитарного вопроса, вопроса о человеке, о личности, то можно констатировать, что мы живем в эпоху, *si tunc venia uerbo**, не дружественную личности. Индивидуальность подчинена коллективу, в какой бы ипостаси он ни выступал. Причем это распространяется как на Восток, так и на Запад. Реальность такова, что ни одна нация, ни одна страна, ни одна партия, ни один коллектив завода, фирмы, ресторана е!с. не может не быть н а д личностью, ибо сами они безличны. Компромиссы, в принципе возможные, очень редки и тонут в океане противостояний.

Другая важная гуманитарная проблема связана с образованием и наукой. И здесь наблюдался явный регресс, предсказанный более века назад Ф. Достоевским. Его герой Шигалев как бы очерчивает свою программу действий:

"Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!" /"Беси"/

Тоталитарному государству наука нужна только постольку, поскольку она косвенно обеспечивает репрессивный аппарат и армию - вот и подпитываются именно эти отрасли знания.

Нельзя, однако, сказать, что в рассматриваемый период наука, литература и культура вообще были в "задохнувшемся" состоянии. Достаточно сильный всплеск получило их развитие во время хрущевской "оттепели": на свет появилось множество произведений, явно не вписывающихся в соцреализм. Не утомляя примерами, назовем их авторов "шестидесятниками". Появился "официальный" авангард /А. Вознесенский/, стало возможным публиковать острые политические статьи и художественные произведения /"Один день Ивана Денисовича" А. Солженицына/, вышел из подполья авангард изобразительный /Э. Неизвестный/ и т.д. Это не так важно, что тот же Н.С. Хрущев обзывал новаторов "пидарасами" - важнее было то, что их "пустили".

Хрущевская "оттепель", вероятно, и стала причиной появления разного рода утопий. Интеллигенция у нас и западные интеллектуалы размышляли о "мирном вращении друг в друга" социализма и капитализма. На Западе Джон Галбрайт, Питирим Сорокин, Уильям Ростоу развивали теорию конвергенции, заключающуюся, в общих чертах, в том, что будущее "постиндустриальное" общество будет обладать как капиталистическими, так и социалистическими признаками. У нас эту теорию разделяли А. Зиновьев и А. Сахаров.

П. Сорокин, например, считал, что

"... господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный... Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа". /87, с. 16/

Идеи, сходные с теми, которые П. Сорокин изложил в 1960 г. в книге "Взаимное схождение США и СССР к смешанному социокультурному типу",

* с позволения сказать /лат./

высказывал академик Андрей Сахаров в 1968 г. в "Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Александр Зиновьев, уже покинув СССР, настойчиво ищет более радикальный путь отказа от "серьезных дефектов", сосредотачиваясь в основном на "дефектах" капитализма, а в коммунизме находя целый ряд "позитивных ценностей". В самый разгар перестройки он пишет в книге "Конец коммунизма?", что

"Коммунизм не есть случайный зигзаг истории. Он имеет глубокие корни в самих основах человеческого бытия. История еще не сказала последнее слово... Посткоммунистическая эра есть лишь затаенная мечта антикоммунистов и безответственная фраза демагогов". /27, с.94/

Вероятно, и сейчас есть исследователи, придерживающиеся подобной точки зрения. Но расцвет теории конвергенции уже далеко позади. Первым ударом по ней были кровавые события в Венгрии в 1958 г., вторым - удушение "пражской весны" 1968 г. Было такое впечатление, что афганская авантюра вколочит последний гвоздь в гроб этой утопии о коммунизме "с человеческим лицом" - так вот поди ж ты, А. Зиновьев предрекает нам чудесное воскресение коммунизма.

Другой тип утопии /точнее, антиутопии/ представлен произведениями художественными. Рассматриваемый нами период начался с появления романа Джорджа Оруэлла "1984". Интересно, что русская литература именно к этой дате /или годом позже, раньше/ тоже обогатилась антиутопиями "Остров Крым" Василия Аксенова и "Москва 2042" Владимира Войновича. Нет надобности доказывать, что антиутопии гораздо продуктивнее любых, самых научных, утопий. Хотя, конечно, словосочетание "научная утопия" - полный абсурд.

То, что культура /в том числе и наука/ не совсем задохнулась в этот период, доказывается уже хотя бы тем, что до 1956 г. за 56 лет лишь два русских ученых были отмечены Нобелевской премией /И. Павлов и И. Мечников, а после 1956 г. их прибавилось 11. Если лишь И. Бунин был удостоен этой премии ранее, то еще четыре писателя прибавились к нему за последние десятилетия. Конечно, Нобелевская премия - не важнейший, но все-таки показатель.

Наша музыка подарила миру шедевры не только за рубежом, где еще творил великий Игорь Стравинский: в СССР появились прекрасные произведения С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Р. Шедрина, А. Шнитке. Блестящее исполнительское мастерство Е. Мравинского, М. Ростроповича, в балете - М. Плисецкой и Барышниковой, в опере Вишневской и Соткилавы - вот далеко не полный список тех, кто восхищал весь мир своим искусством. Писали свои картины М. Шагал и М. Шемякин, создавал свои композиции Э. Неизвестный...

Литературные достижения были не менее впечатляющи. Еще творили такие "гранды", как Б. Пастернак и А. Ахматова, но уже появились Ю. Домбровский, Е. Евтушенко, И. Бродский, А. Солженицын, Ю. Нагибин. В 1979 г. появился беспрецедентный "бесцензурный" альманах "Метрополь" /В. Аксенов, А. Битов, Ф. Искандер, В. Высоцкий, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина и др./ . За рубежом работали Г. Адамович, М. Алданов, В. Набоков, а позже С. Довлатов, Н. Коржавин, В. Некрасов, В. Максимов, А. Солженицын.

То, что в заглавии этого параграфа было вынесено как "мировая гармония", ощущалось деятелями культуры как глубокая дисгармония. Отсюда драматизм и даже трагизм многих произведений искусства, от С. Рахманинова до Э. Неизвестного, от В. Набокова до А. Битова. Не обошлось и без творческих трагедий, о которых речь пойдет ниже, когда художник в эпоху духовной дисгармонии и социальных диссонансов мечется в политических силках в ущерб своему творчеству.

Мировая дисгармония может по-разному выражаться художественными средствами. В музыке - минимизацией мелодизма /Шостакович, Шнитке/, додекафонной техникой, изобретенной еще А. Шёнбергом /одно время - Стравинский/, сугубо минорными темами /Рахманинов/. В изобразительном искусстве используется смещение планов, нарочито-упрощенной или изощренно-усложненной техникой, сюрреалистическими приемами и т.д. О литературе речь пойдет отдельно: она наиболее выпукло показала все стороны дисгармонии в мире. Очень ярко трагедия современного человека запечатлена самым молодым искусством - кинематографом. Глубокий гуманистический подход отличает фильмы Тарковского, Сокурова, Кончаловского и Михалкова.

Основой дисгармонии современного мира является прежде всего его дегуманизация. Бездуховная, низшая по качеству жизнь есть атрибут любого общества, ведь самое страшное - не то, что заставляет нас жить низкой жизнью /материальные заботы, коллектив, масс-культура/; самое страшное - что мы не всегда это понимаем. Большинству глубоко чужды даже попытки проникнуть *in medias res*^{*}, большинство либо унижается комфортом, либо страдает от его отсутствия.

Конечно, не все нечувствительно к чудовишному давлению, которое пресс современности оказывает на личность. Люди, ошущающие это давление, свидетельствуют, что это ощущение весьма и весьма болезненно. Так, Андрей Тарковский пишет как раз об этом:

"Насилие над душевным миром человека тотально. Но именно из этой тотальности, из практической невозможности простого, человеческого - рождается почти нестерпимая духовная потребность в идеальном. Из абсолютной дисгармонии - мечта об абсолютной гармонии". /93/

Но и, возмечтав об абсолютной гармонии, человек религиозной совести несчастен, ибо не может жить в абсолютной гармонии один. Вот фрагмент из дневника Тарковского, свидетельствующий о напряженной духовной жизни Мастера /и это буквально перед самой его кончиной!/:

"Некто хотел спастись и вдруг почувствовал себя предателем, Великим Грешником, противопоставив себя всем остальным. Себя - жизни". /Запись от 04.II.1986/

В этом-то, наверное, и состоит величайшее предназначение культуры - одухотворить этот разъятый мир, внести в него высшую гармонию. Если Церковь не может обратить нас к Богу - это должно сделать искусство. Пусть даже это осознание собственной неспособности заглянуть за стены своего маленького мирка принесет боль: за страданием следует *katarsis*^{**}. Ингмар Бергман показал это:

"Мир сотрясается и рушится, мы - хлопотливо и чуть возбужденно - кужим в толстых стенах Дома, в маленьком мирке тревожного беспорядка, прилежания, нежности и таланта". /2/

§ 24. Культура и революция. Огромное влияние на все развитие русской культуры оказал октябрьский переворот 1917 года. Он не только поделил всю историю русской культуры на "до" и "после", он еще и самих художников поделил на "за" и "против", "здесь" и "там". Надо сказать, что среди них не так уж много было людей политизированных, однако общая политизированность общества заставляла их - зачастую "наошупь, вслепую" - выбирать сторону баррикады. Часты были ошибки, иногда трагические.

* - в середину /в суть/ вещей /лат.- Квинт Гораций Флакк/

** - катарсис, очищение, приходящее вслед за трагедией /греч./

Однако даже для некоторых из тех, кто симпатизировал социализму до революции, она стала понятней, потому что, по словам П. Струве,

"В том, что русская революция в своем разрушительном действии дошла до конца, есть одна хорошая сторона. Она покончила с властью социализма и политики над умами русских образованных людей". /92, с.149/

Они ясно поняли, что часть вины за свершившуюся катастрофу лежит и на них. На тех, кто, поддавшись глубоко укорененным интеллигентско-народническим настроениям, впал в грех народопоклонства. Могло бы русское искусство обойтись без "Бурлаков на Волге"? Могла литература не обратить особого внимания на "Размышления у парадного подъезда"? Скорей всего, да. Шумный общественный резонанс таких произведений объективно приближал катастрофу, о которой, о которой ни вегетарианец-идеалист Илья Репин, ни картежник-добряк Николай Некрасов и не подозревали. И вот революция, как говорится, грянула. И что же "народ-богоносец", якобы взявший власть? Что же его партия-авангард, действительно взявшая власть? А вот что они сделали:

"Русская революция отнеслась с черной неблагодарностью к русской интеллигенции, которая ее подготовила, - она ее преследовала и низвергла в бездну". /8, с.154/

Низвергла, да не всех. Деятели культуры резко разделились. Те, кто был "за", остались, естественно, "здесь". Те, кто был "против", либо уехали жить "там", либо остались жить "здесь", став соответственно внешними и внутренними эмигрантами. Уехавшие сохранили активность и свободу, оставшиеся превратились в пассивных диссидентов. Конечно, не всё было так просто. Эмигрировавший было "граф" А. Толстой вернулся, а оставшийся было Ф. Шаляпин успел даже стать "народным артистом республики", но все-таки потом уехал. Уехавшие было А. Куприн и М. Цветаева возвратились, но Куприн - уже совершенно больным, то есть чтобы почти сразу же умереть, а Цветаева - чтобы почти сразу же покончить с собой. Достаточно долго советским писателем пробыл Е. Замятин, но все же уехал.

Среди музыкантов эмигрантами стали С. Рахманинов и И. Стравинский, среди художников - Н. Бенуа, Н. Рерих, К. Сомов, В. Кандинский и М. Шагал, среди писателей - весь цвет русской литературы. "Внутренними эмигрантами" стали Ф. Сологуб, М. Булгаков, А. Ахматова, до определенной степени В. Пастернак, а также впоследствии репрессированные Н. Гумилев /расстрелян без суда/, В. Пильняк /расстрелян по суду/ и О. Мандельштам /погиб в первый же год ссылки/. Парадоксален факт репрессий "с летальным исходом" даже против тех, кто был вполне "за" новую власть: И. Бабель, П. Васильев, Н. Клюев, Б. Корнилов, С. Клычков, А. Введенский.

Заслуживает внимания список "красных", приведенный Зинаидой Гиппиус в ее дневнике. Приведем фрагменты из него:

"Александр Блок - поэт, "потерянное дитя", внеобщественник, скорее примыкал, сочувствием, к правым, убежденный антисемит. Анд. Белый /В. Бугаев - замечательный человек, но тоже "потерянное дитя"... не на службе лишь потому, что, благодаря своей гениальности вообще не способен быть на службе. Серафимович, Окунев - имеют книги, бездарные. Ник. Клюев, Серг. Есенин - два поэта "из народа", 1-й старше, друг Блока, какой-то сектант, 2-й молодой парень, глупый... Чуковский Корней - литер. критик, довольно даровитый, но не серьезный... никаких убеждений органически иметь не может. Петров-Водкин - художник, дурак... Вс. Мейерхольд - режиссер-"новатор"... После революции записался в анархисты. Потом, в августе, опять бывал у нас, собирался работать в газете у Савинкова. Совсем недавно в союзе писателей

громче всех кричал против б-ков. Теперь председательствует на заседаниях театральных с большевиками. Этот, кажется, особенная дрянь". /24, с.226,227/

Оставим на совести автора точность характеристик, но список получился далеко не полный. С большевиками сразу стали сотрудничать такие известные литераторы, как Н.Асеев, В.Бросов, В.Вересаев, С.Горюцкий, В.Каменский, В.Маяковский, С.Сергеев-Ценский, В.Хлебников, В.Шишков и *tutti quanti**.

О ситуации, сложившейся непосредственно после переворота, уже достаточно много сказано. Вот как ее характеризует видный русский ученый Владимир Вернадский в одной из своих статей:

"Люди, путем восстания захватившие власть, проводили новый строй, идеальный строй, как они говорили... Мы прошли крестный путь этого строя. Основанный на неравенстве людей, он восстановил нам худшее прошлое. В XX веке мы пережили и состояние неполноправных граждан старых времен, и ужасы возрожденной к жизни инквизиции". /"Довольно крови и страданий", 09.09.1919/

Как же так? "Неравенство" - это как? Но ведь ученый /как и художник, и поэт/ - представитель бывшего эксплуататорского класса, стало быть, теперь он подчинен "классу-гегемону" во имя справедливости, и никаких прав, конечно, иметь не может. Так просто в 1917-1922 годах решалась проблема "революция и культура".

"Слушайте Революцию!" - взывал несчастный Блок. Да, надо было очень внимательно прислушиваться, хотя бы ради того, чтобы остаться в живых. А уж если остался - будь готов к новому испытанию. Слушай Революцию! Слушайся Революцию. Не смей ослушаться Революции. Тогда ты станешь послушником Революции. Потом - монахом ее, если будешь хорошо служить. А поскольку революция эта была торжеством тоталитаризма, интеллигенции и культуре вообще пришлось учиться приспособливаться, как писал об этом Карл Ясперс в книге "Атомная бомба и будущее человечества":

"Интеллигенция в сфере тотального господства идет на службу большой, лежащей в основе всего и проникающей всюду лжи".

/124, с.161/

Хорошо известна судьба одного из самых знаменитых писателей эмиграции Владимира Набокова. Спасаясь от большевиков, он уехал в Европу. Писал. Был очень популярен в эмигрантских кругах, но был вынужден много работать ради семьи, ради куска хлеба. Затем переехал в Америку, где тоже должен был трудиться в университете, постоянно опасаясь, что его место на кафедре будет занято. Но он ни за что не пошел бы на "хлеба" в СССР ценой творческой и личной свободы. Под приводимым ниже набоковским стихотворением могли бы подписаться тысячи других эмигрантов:

"Каким бы полотном батальным ни являлась
советская сусальнейшая Русь,
какой бы жалостью душа ни наполнялась,
не поклонюсь, не примирюсь
со всею мерзостью, жестокостью и скукой
немного рабства - нет, о, нет,
еще я духом жив, еще не сыт разлукой,
увольте, я еще поэт."

/Кембридж, Массачуссетс, 1944/

Набокова, Шалапина, Кандинского не пугала даже утрата "языковой среды", хотя они ощущали ее очень болезненно. Ведь культура - это прежде всего язык, а на чужбине его сфера чрезвычайно сужается.

* и всякие другие, и прочие /итал./

К тому же у революции до всего есть дело: дошло и до языка. Появилось множество так называемых "неологизмов", "аббревиатур", совершенно диких на слух; беспорядочно и безграмотно заимствовались иноязычные слова, коверкался синтаксис, "лупенизировалась" стилистика. Язык великорусский, детище Пушкина и Тургенева, Фета и Бунина, гордость народа, подвергался чудовищному насилию со стороны той же революции, которая, по свидетельству Вячеслава Иванова, покусилась на самую основу культуры:

"Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом - неимоверными, бессмысленными, безликими словосочетаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как переключки сообщников, как разинское сарынь на кичку".

/ЗІ, с.147/

Посвягнув на святых Троицы и Кремля, революция и не задумывалась, прежде чем посвягнула на "великий и могучий русский язык". В спешном порядке и варварски была проведена реформа орфографии, хотя работа группы академика А.А. Шахматова еще не завершилась, и концепция реформы была "сырой". Протестуя против этого, другой академик, Иван Бунин так и не перешел на новую орфографию. Гораздо позже революция еще раз занялась языком - сам "вождь всех времен и народов" Сталин написал "Марксизм и языкознание", и тогда стало ясно, что революция никак не может оставить без внимания язык. Впрочем, как и культуру в целом.

Отсюда и соцреализм, и "профессорские" пароходы, и ошеломляющее невежество не только рядовых номенклатурщиков, но и лидеров, критикующих "пидарасов". Отсюда и общее отношение народа к культуре как к чему-то третьестепенному, и бытовой антиинтеллектуализм населения, и государственное насаждение безвкусицы в искусстве. Мол, погодите, дайте сначала "материальный базис", а там и до культуры дойдет.

А вот и не дойдет: культура либо есть, либо ее нет, начиная с культуры личной, с эрудиции, с этикета, с элементарного вкуса, и кончая культурой нации. Ибо если мы мочимся в подъездах, если мы не умеем одеться, если мы произносим слова, которые не знаем, как произносить - чем может быть культура нации?

Артур Шопенгауэр в своих "Афоризмах" замечал, что каждый способен воспринять только то, что находится на его собственном уровне. Если то, что я вижу в другом человеке, находится на моем уровне или ниже - я могу дать этому оценку, положительную или отрицательную. Но если в нем есть нечто более высокое, мне никогда доступно не будет, я это "нечто" не оценю просто потому, что не увижу. Так и культура. Не развив ее у себя, мы не будем способны оценить ее как целое, как важнейшую часть национальной парадигмы.

Культура есть живая душа народа: нет культуры - и народ мертв. Революция десятилетиями вытраивала культуру из народа и во многом преуспела. Но, слава Богу, жили среди нас люди, подобные недавно умершим Алексею Федоровичу Лосеву и Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, и передавали свою высочайшую культуру тем из нас, кто хотел и кто способен был ее воспринять. Потому-то и жива она до сих пор, несмотря на все усилия революции.

В эпоху духовного кризиса, в эпоху наступления антигуманизма, перед которыми уже трещат последние редуты духовности и элементарной человечности, - что, как не культура, может спасти гуманизм /а значит и человека/? И вот, вопреки революции с ее антихристовым желанием безраздельной власти над человеком, послушаем Музыку, а не революцию. Послушаем Музыку - обратимся к культуре!